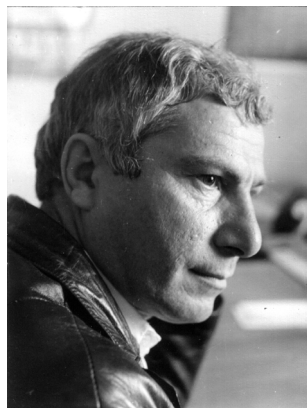

Клуб рассказчиков

Николай Волокитин

МАЛИНОВЫЕ ОБЛАКА

Лесные этюды

Отогрелись

Лист с окрестных берез полетел, еще в августе. Никудышным выдалось лето: то многодневная бездождливая, хоть и воглая, хмарь, то вообще по неделям тягучая сушь при безжизненном, в белом мороке солнце, не дающем ни путнего света, ни тепла, ни тем более радости.

Вяли в поле хлеба, жухли на унылых пастбищах худосочные травы... Да что там травы! Что там необъятно-бесприглядные овсы, ячмени и пшеницы!

У меня на застекленном балконе комнатные цветы, заботливо мною лелеемые, и те нет-нет да и подергивались по оподолу сероватой изморозью заплесневения. А с весны упругие саженцы двух бегоний и вовсе в конце концов поникли и сгнили, жалко проторчав в горшочках несколько месяцев.

Осень тоже оказалась не краше. Ни калины не вызрело, ни боярки, ни облепихи, ни даже неприхотливой и вездесущей рябины. А нет ягоды, не появи-

лось в окрестностях в урочную пору и кочующих птах. Бывало по первоснежку в палисаднике клены плодовицыми яблонями красно тяжелели от снегирей, а тут – лишь унылая с прожелтью серость и пустота. Изредка лишь промелькнет на ветке какая-нибудь соннопугливая синичка иль ущербненький воробей и – опять беспробудь.

Декабрь ударил морозами. Густые туманы пошли, и солнце даже в полдень лишь мутным расплывчатым пятном едва маячило в поднебесье. Деревья пребывали в инее, как в белых заячьих шубах...

Тишь, какой-то вневселенский застой, опустошение глохлое, цепенящее.

А потом начались тяжелые, долгие пурги. Снег, снег, ветры, ветры, опять холодище промозглый. Ни живинки вокруг, ни одной былиночки одушевленной. Пробираешься по улице через снежные вихри да замети и кажется тебе, что ты с головою барахтаешься в бурлящем потоке густого и вязкого селя.

И вдруг под конец января – потепление! Небо вычистилось, солнце окреп-

ло, и в иные дни даже утром, в самый пик холодов, столбик ртути в термометре не стал опускаться ниже отметки в пять градусов.

Первыми воспрянули голуби. В мгновение ока повыбирались со всех чердаков, изо всех подворотен и застрех околотка и стали слетаться в наш палисадник. Усядутся на березы, замрут и блаженствуют, блаженствуют от тепла неподвижно часами, отогреваются... Потом зачирикали воробышки, заоркали между веток синички... А вскоре весь двор уже радостно звенел и копошился от всеобщего птичьего праздника...

К концу марта дневная температура повысилась сперва до плюс четырех, а потом и аж до шестнадцати градусов. Все вокруг потекло, зажурчало, запылало, и уже к одиннадцатому апреля серые поляны на солнце покрылись первыми нежно-зелеными пятнами, источающими сладкий младенческий аромат.

У меня на письменном столе шикарный лопух, с нерусским названием эухарис проклюнул после долгого-долгого перерыва очередную свой росток и начал в темпе вздыматься. Гляжу, что-то он уж больно прытко тянется вверх. Приготовил линейку, давай ежеутренне измерять. На первых порах он давал прирост по четыре сантиметра в сутки, а с 14 на 15 апреля, когда высвобождался из земли на поверхность полностью лист, маханул аж на девять, выдав таким образом за неделю тридцать с половиною сантиметров.

Я достал с полки справочник по растениям и стал искать в нем другие примеры такого проворства. Оказалось, что рекордсменом по росту в мире является бамбук, и успехи моего эухариса по сравнению с ним более и весьма чем скромны, однако это меня ни чуточки не расстроило и не смутило.

«Да обеспечь нам, – подумал, – как тому бамбуку тропические условия, мы, отогревшись, еще не такое покажем!»

«Сорочинская ярмарка»

Так назвал я по заглавию повести Николая Васильевича Гоголя эту грандиозную суетню большущей оравы сорок в нашей рукотворной рощице между городскими домами.

Откуда налетели белобокие бестии этим ранне-майским прохладным день-

ком? Для чего? Век доживаю, а впервые сподобился увидеть такое.

Орут, суетятся, торгуются по какому-то поводу, спорят. Трое вообще подрались, в нелепом порханьи долбася друг дружку тяжелыми клювами. А несколько так называемых особей в пику им наоборот устроили вокруг березы хороводную пляску. Прямо как бравые хлопцы с гарными дивчинами, только песня у них получалась не особенно мелодичная, да вместо рук трепетали беспокойно угловатые крылья...

И так продолжалось довольно приличное время.

Потом вдруг растворились, исчезли куда-то птахи все разом.

За исключением двух.

Эта же парочка умастилась тесненько на суку и надолго затихла в каком-то со стороны пока непонятном блаженстве...

Меня позвали, я ушел с балкона, закрылся, забылся, а назавтра снова увидел своих безмолвных теперь уже как бы соседей, приятелей...

Одна сорока сооружала на клене гнездо, другая в клюве подносила ей ветки. И так это все у них получалось вдвоем и ладно и складно! Вот это поворотик событий...

В отдалении несколько раз промелькивали другие сороки, но как-то тоже очень деловито, целеустремленно, ни на кого и ни на что не обращая внимания...

Прошло несколько дней.

На дворе стало жарко. По обочинам дорог, на лужайках яичными желтками заблестели сочные одуванчики. А мои непоседы все хлопотали с гнездом, все хлопотали, таская откуда-то прутья и палочки. Только уже без прежней суеты, поспокойнее, повальяжней, как бы уже пресытятся работой и лишь поправляя прежние малые недоделки.

Березы и клены вскоре махом озеленели, черемухи вскипели белой пеной цветов, а гнездо теперь лишь смутно маячило сквозь листву серым комом, а потом его и вовсе стало невиднo.

Потерял я из глаз и сорок. Только изредка в гуще зелени слышал их негромкое стрекотание. А спустя какое-то время, после того, как отболел над городом последний майский предрасветный туман, к этим звукам прибавилось и нечто, похожее на тоненький скрип.

Это, как я догадался, появилась птенцы.

Но углядеть их мне ни разу не улыбнулось, как теперь и их родителей – настолько скрытными оказались, когда надо, эти вечно беспокойные, горластые, сварливые птички.

Я даже не знаю, когда и как они покинули всем скопом гнездо. Да и увидел-то снова это гнездо лишь поздней осенью, когда облетела листва, и оно, пустое и жалкое, моталось уныло на ветру вкупе с кленом.

И из-за чего и для чего шумел все-таки тогда тот ранневесенний птичий базар? Из-за места под солнцем?

А из-за чего же еще!

Но оно теперь, это место, никомушеньки совершенно не нужно, как не нужно было ни год назад, ни два, ни десяток...

Попытка – не пытка

Ночь я спал и не спал, и опять открыл глаза раньше времени. В избе была кромешная темень. Ни зги, ни искринки, как в наглухо запертом подвале, когда случайно погаснет свеча...

Однако через какое-то время я даже не увидел, а скорее почувствовал, как к окну по-кошачьи осторожно, с оглядкой, но все-таки упорно крадется рассвет. Сперва я смутно различил в плотном мороке рамные переплеты, потом увидел за ними зыбкие тени деревьев, качающиеся лениво под ветерком, потом постепенно стали проклеиваться комнатные предметы: часы на стене, шкаф, стол, стулья, книжные полки. А вскоре я уже отчетливо различал свои руки, одеяло, подушку...

Вставать, не вставать?

Прохладно, неудобно, казалось, что изо рта вот-вот заструится парок.

Вскочил все-таки, обжигая пятки о ледяные половицы, натянул одежку. Побрился, умылся, заварил кофейку поершистей, привел себя в боевую готовность, однако снова засомневался: а стоит ли идти или не стоит?

Пошел.

Пошел потому, что надо было идти – уже не был за околицей больше недели. А не был потому, что лето снова оказалось никчемным: холод, холод и холод. Иногда только выпадали проблески мало-мальского тепла и какие-то скучные, застенчиво-скупые дожди, приносящие это относительное тепло, оттого и грибов почти не было, так, лишь

малая малость, но я и на нее не угадывал.

Не угадывал из-за того, что стимулила не было.

А где нет стимулила, там, естественно, и – промашки. Ибо... Ох, уж это вечное ибо!

Пошел в лес уже 1 июня, зная, что ранние подберезовики должны уж проклюнуться. Нет, не проклюнулась. Махнул рукой и затих. Однако десятого не выдержал, снова подался. Явился в урочное место, и – чуть не заплакал. На один гриб наткнулся, на второй, на девятый. Но все они уже переросли, исчервивели, сгнили. Опоздал! Просчитался!..

На дворе была промозглая стынь.

Слабенькая, вялая зорька едва-едва желтела на далеком сером востоке.

Руки мгновенно окоченели. Да и ногам хоть и с шерстяными носками, но в резиновых: сапогах было весьма и весьма неудобно.

Заглянул в первый березнячок, соседний обследовал – ничего. Хоть бы какой-нибудь признак... или хотя бы уж призрак. Как на замусоленно-истертом листе бумаги в период полнейшего отсутствия мыслей.

И опять одолел душевный раздрай: дальше продолжать свой никчемный путь или вернуться?

Врожденное упрямство все-таки перевесило – доплёлся как-никак до заветной деляны.

И тут... Только глянул под первую, самую малюхонькую в околке березку – обабок! Здоровенный, тугущий, увесистый! С толстой ножкой, со шляпкою с блюдце... Срезал – срез как сало, без единенькой червоточинки. Повертел головою заторможенно по сторонам, а вокруг такие же здоровяки мускулистые, да не по одному, а то по два, то аж по четыре.

Тридцать три штуки отменнейших красавцев снял я с невеликого пяточка. Почти что ведро.

Вывод? Или мораль, иначе сказать?

А просто никогда не надо сиднем сидеть и чего-то в этом сидении ожидать. Ходить надо, искать. И найдется!

Под окнами

К середине лета гриб пошел валом. Да если б только в лесу, а то повсеместно.

Возвращаюсь как-то утром из магазина с буханкой хлеба и с пакетом кефира, а навстречу бежит вся сияющая дворник нашего жилищного управления Галина Николаевна Меновщикова и кричит еще издали с этакой полуехидненькой подковыркой:

– Эй ты, признанный наш следопыт и любитель тихой охоты! Бродишь поза околицам почти ежедневно и приходишь частенько с пустыми руками. А я, посмотри, прямо под окнами сто двадцать пятого дома чего ухватила! – И вымахивает из-за спины полиэтиленовый прозрачный пакетик. А в пакетике – два подберезовика и с полдесяток свинушек.

– Где конкретно? – не верю.

– Айда, покажу!

Подбгаем к березам, что между пятиэтажек..

– Вот тут, – тычет пальцем.

– А ну-ка, а ну-ка! – суечусь. – Всю делянку хорошо просмотрела?

– Да нет. Я ж дилетантка! – опять с необидной полуусмешкой плечиком пожимает. – Что на глаза попало, то и попало.

– Коли так, то еще попасться должно!

Начал я окрестное подножие чутко исследовать, и Галина за компанию тоже. И нашли мы с ней еще восемнадцать разных съедобных грибов.

Ну не чудеса ли в самом-то деле!

Но это куда бы ни шло.

Через неделю повел я жену в поликлинику. Она инвалид, и мне часто приходится сопровождать ее в сие учреждение. Записал в регистратуре, усадил в очередь возле кабинета врача, попросил:

– Не волнуйся, я буду рядом. Просто выйду на улицу, свежим воздухом подышу.

Отдыхаю на скамеечке рядом с поликлиническим крыльцом, думы разные думаю.

Рядом мужичок в палисаднике что-то увлеченно так собирает в мешочек.

Шампиньоны? К шампиньонам я равнодушен. Во-первых, растут они всегда где ни попадя, чуть ли не на асфальте, а во-вторых, лично для меня пахнут как-то очень уж неприятно.

– Шампиньоны? – вяло спрашиваю у мужичка.

– Какие шампиньоны?! – радостно-обалдело вскидывает голову он. – Сы-

роежки прут! Вперемежку со свинаярми!

– Ну-ну... – только и мог я пробормотать.

А что ещё скажешь?

Оригинал

Когда грибов обильно, да не от случая к случаю, а подряд много дней, начинаешь потихоньку к этому привыкать и перестаешь удивляться даже самым неожиданным грибным чудесам.

Ну поду-у-у-маешь, рядовки вымахали на поляне таким идеальным ведьминым кругом, что хоть линейкой с миллиметровым делением правильность их фигуры геометрической проверять... Ну поду-у-у-маешь, маслятки встали под сосною в такую прямую шеренгу, будто солдаты на построении, да еще и по ранжиру армейскому, то есть по росту: во главе самый крупный, а дальше – ниже, ниже, ниже, и в хвосте уж вовсе опупышек...

Вида-а-а-ли! А не видали, так слышали!

И еще раз увидим! И услышим! Поду-у-у-маешь...

Этот хиленький березнячок возле самой дороги был всегда для меня как бы пробной мишенью. Попал глазами хоть в один ущербный обабок, значит дальше держай, то есть топай в другие околки: еще попадешь.

Березнячок тот был знаменателен тем, что валялся в нем многие годы у канавки брошенный кем-то автомобильный резиновый скат.

Ну валяется и валяется. Пылью плесневелой весь уж оброс, в серединке травка растет-зеленеет. Я на скат уж и внимания обращать перестал.

Но прихожу как-то раз на делянку, шасть глазами вокруг: под, одной березкою пустота, под другой, под четвертой. Думаю, неужели все, неужели и в лесах далеких урожай иссяк и там уже тоже нечего делать и, хочешь не хочешь, надобно хоть и с тоскою, но возвращаться домой?

Глядь совсем ненароком на скат, а внутри его торчит из травы великолепный обабище, такой здоровый, крепкий и сильный, что и глаз не отвести.

Во пристроился!!!

Как ни привыкай к лесным чудесам, а предела им нету.

Падера

Падерой нарымские чалдоны называют сильную непогоду с ветрами ураганными, с ливнями, с валом крутым на Оби, когда никакой уважающий себя не то что рыбак, охотник, грибник, вообще мало-мальски здравомыслящий человек даже носа за ворота не высунет.

Я высунул.

И поплатился по полной программе.

Что меня понесло за околицу в это раннее утро, сам никак не пойму. Любопытство? Жажда нервы пощекотать? Бессонница моя неизбывная? Или все-таки тщеславное желание выставиться перед близкими, к которым приехал всего на пару дней в родное село? Вот, мол, вы тут спите все спокойненько после вчерашнего вечернего застолья в честь встречи, хлюпаете смачно ноздрями, нажаловавшись в доску на бескормье и скуку, а я возьму и подамся сейчас в лес и, не смотря ни на что, принесу вам к завтраку на большущую сковородищу грибочков.

Подался. В четыре тридцать утра, как заметил, хотя еще с полуночи за окнами все гремело, взывало и грохотало. Да и сами окна дребезжали и скрипели, будто несмазанные колеса телеги.

Вышел на улицу. Тьма и гул неестественный. Березы в палисаднике мотаются во все стороны и кланяются земле почти в пояс. Дождик хвощет, будто тугая струя из водосточной трубы...

Может, вернуться, пока не поздно, в сухость, в тепло, не испытывать судьбу. Но куда-а-а...

Мне все здесь было знакомо: каждый переулочек, каждый домишко, каждый кусток за околицей.

Захожу в могучий кедрч. Ходуном он ходит и стонет стоном испуганным. Глядь-поглядь, а одно старое дерево переломлено напололам, и его сердце-вина щепастая белеет сахарной костью. В другом месте у другого кедра скрутило пасынкковый сук толщиной с бревно аж в спираль.

Уходить, однако, надо было отсюда скорее, пока не прихлопнуло как мышонка в ловушке.

Пробираюсь под кинжальным ветром к Оби.

Обь моя вся в кипении взбудораженном, и пенные волны ее своими острыми гребнями, кажется, задевают за низ-

кие, бегущие куда-то сломя голову тучи.

Посмотрел на них и, передернувшись от неуютности стылого, от мокроты, побрел прочь от реки, но опять не в село, а в левую сторону от него, к сосняку молодому да к соседствующей с ним березовой рощице, где, казалось мне, должно быть потише, посуше, побезопаснее, и где я и рассчитывал на грибную добычу.

Брел, брел и... добрел...

Посреди унылой, скользкой и лоснящейся, как лягушачья кожа, дороги зияла преогромная льва. Мне бы поостеречься да и обойти ее стороной, благо на обочине справа, хоть и далековато, но была травянистая твердь. Однако куда мне, такому целеустремленному да энергичному, делать какие-то там зигзаги! Подумал: не может же быть посередине дороги приличная глубина. И шагнул напрямую, сразу же ухнув по пояс в скрытую жирной муťou машинную колею, широкую и днистую, что траншея. Хотел было махом вызволяться на мелкое, но съюзил на илистом под водою горбе колеи, как на мыле, и уже приводнился в лужу всей грудью.

Если бы меня кто-то видел в эти минуты!

Пришлось в вонючей жиже, да еще ледяной, не только нахлебаться черт знает чего, но и испробовать все пловецкие стили, всякие там кроли и брассы, прежде чем я оказался вновь на дороге.

Мокрый, грязный, разбухший. И обессиленный...

Накормил, называется, родственничков свежими грибочками, начисто уже огорожанившийся и потерявший всякое чувство реалий пижон.

...Кстати, как передали в тот день чуть позднее по радио, в городе ночью падера тоже наделала дел: и деревьяев поналомала, и крыш понасносила, и даже на одной новостройке высотный кран опрокинула.

Хорошо, что там в это время все еще мирно спали и рядом с краном не оказалось героя, подобного мне.

Уезжал я от родных не то чтобы посрамленный, но и не в очень добром расположении духа... Наука!

Копорский чай

Необъяснимые вещи случаются...

Пять лет я, переехав из одного го-

рода в другой, искал в новоявленных округах кипрей. Лабазник, к слову, сразу нашел, и даже в нескольких местах, а вот кипрея не попадалось.

Там, откуда я прибыл, они произрастали чуть ли не вместе, и я уже наловчился основу своих сборов составлять не на одном каком-нибудь «компоненте», а именно на этих двух травах.

Лабазник, по иному таволга вязолистая, легко снимает усталость, кипрей же, другое название иван-чай, хорош от головной боли и от бессонницы, а это как раз то, что меня особенно волнует в мои почтенные годы.

Другие же муравки в малых количествах я добавлял в свою мешанину просто для вкуса, для запаха, для большей приятности ощущений, ну и конечно же для профилактики разных прочих возможных заболеваний...

Кстати, взвар из таволги вязолистой чалдоны Приобья в былые годы в большом количестве употребляли не только в сенокосную пору, в лугах, но и дома, зимою, запасая сушеную траву на чердаках несметными низками. А из кипрея крестьяне центральной России готовили заварку даже на сбыт, то есть в объемах и формах уже, как говорится, промышленных. Славилось этим в позапрошлом веке село Копорье Петербургской губернии, откуда и название продукта...

Так повторяюсь: в окрестностях нового для меня города иван-чая, как такового, не оказалось. Я, конечно, расстроился, однако усмирил себя помаленьку, обходясь лишь лабазником, а потом и вовсе стал привыкать к обстоятельству данному.

И вот наступило лето две тысячи девятого года, пришла пора привычных походов в леса.

Случилось так, что приспели одновременно и травы, и маслята в трех открытых мной сосняках. Дремать было некогда – травы надо собирать исключительно во время цветения, а грибы и вовсе ребята капризные: сегодня они есть, а завтра – их вроде и не было никогда. Посему естественно, что я пока отдавал предпочтенье грибам, обращая внимание на цветочки-лепесточки лишь проходя.

В этот день путь привел меня к месту, где красовался на взгорке среди лесного простора самый дальний и самый любимый мной соснячок.

Благодатное место!

Во-первых сам соснячок был какой-

то особенный: совсем крохотный, будто ребенок, светлый, чистый, веселенький, пронизываемый солнцем и просматривающийся насквозь, и – как бы парящий вместе со своим взлобком над окружающим миром. И во-вторых, окружающий мир...

Перед бором, а точнее между бором и березовой лесопосадкою со стороны города ютилась поляна с высокотравьем и реденькими кустами боярки, сразу за поляной на юг до дальней дали разбегались хлебные нивы, а за бором, в низине, властвовало пышное, почти непролазное разнолесье с калиной, черемухой, крушиной и даже... с тонкоствольным, длиннорослым шиповником. Разнолесье, как ножом, разрезалось дорогой, и в северной его части почти впритык к соснячку покоилось небольшое болотце, богатое саблеподобным аиром, а по береговой окраине... кипенно-белым лабазником...

Я подходил к бору от лесопосадки, и когда взглянул на давно примелькавшуюся боярковую поляну, не поверил глазам. Поляна на сей раз была не зеленою, как обычно, а красно-сиреневой.

Неужели?!

Сомнений не было и быть не могло.

На поляне от края до края – рядами, волнами, округлыми взгустками – пылал иван-чай..

Как? Отчего? Почему? Еще несколько дней назад его здесь не было и в помине... Да что неделю... Пять лет! А может, десять... Может, и больше...

Я стоял в глубоком раздумье над чудесами природы. К капризам грибов, например, я давно был спокоен. Не раз замечал, что один год в лесу царило засилье груздей и рядовок, другой – маслят и обабок, а третий – прущих, как на дрожжах, белянок да сыроежек, и сколь ни пытайся, иного, кроме них, ничего не найдешь.

Большой знаток природы, современник Пушкина и друг Гоголя Сергей Тимофеевич Аксаков и вовсе отмечал, что случаются лета, когда грибы вообще не растут, хоть условия и самые распрекрасные: и дожди шелестят, и солнышка в пору, и зори исходят туманами, – а выпадает и иначе: вроде с весны до осени сушь, ветра, почва чуть ли не в трещинах, а грибочки лезут себе из-под каждого палого листика, и хоть запынайся, хоть ногами на них наступай.

Но... как бы то ни было, это происходит все на глазах, и нередко, потому и кажется не столь удивительным. Мы

ко всему привыкаем, для нас даже таинство рождения и смерти стало как нечто само собой разумеющееся, как обычный воздух, как хлеб, как вода.

А тут... ни с того ни с сего, будто гром среди ясного неба!

Ну пусть бы одно какое-нибудь малое семечко подспудно дремало в земле. Дремало бы дремало да и выкинуло росточек. А то ведь вся большая поляна вспыхнула цветом.

Значит, не одно оно дремало там, будь то семечко, будь корешок. И чего-то всему этому сонму семечек иль корешков в земле не хватало. А может, и не в земле вовсе, а в окружении, в атмосфере, в самом дальнем космосе, а?

И вот оно появилось, наконец, наступило, невидимое и непонятное мне...

...До грибов я в этот день не добрался.

Я был весь поглощен иван-чаем.

Состязание

Окрестности большого города – это всего лишь окрестности, и в отличие от дальних лесов не особенно богаты природными дарами, но зато почти, всегда многолюдны. Особенно в промысловую пору. И тут уж если хочешь что-то добыть, не дремли и не мешкай, иначе останешься с пустою кошелкой...

Я поднялся в четыре и к пяти тридцати добрался с богом до заветного сосняка, однако там уже маячила между деревьями в комарином мороке предрассветья чья-то сгорбленная фигура.

У опушки на траве лежал аккуратненько велосипед.

Во дает мужичина! Я пешком-то иззапинался на кочках, едва ногу потемну не повредил в одном месте на почти невидной щербатой дороге, а этот – на технике...

Ладно! Теперь это вовсе не важно... Важно, что мужик сейчас находился в самом лучшем месте борка, на том пятке благодатном, на котором всегда масляток являлось больше, чем где-либо, и с которого я уже привык начинать свои поиски.

Настроение махом испортилось. Опалило чувство, будто я явился домой, а дома у меня хозяйничает во всеоружии некто...

Попытался собраться.

«Не суетись! – сказал сам себе. – Не нервничай и действуй, как ни в чем не бывало!»

Зашел с другой стороны сосняка и начал потихоньку охоту. Грибки, попадались. Не так богато, как я бы хотел, но попадались. Теплеть бы душою да мурлыкать от удовольствия. Нет! Мешало, как заноза, присутствие постороннего. Был бы сосняк как сосняк, разошлись бы друг от друга подальше и только. А тут от кромки до кромки – что вширь, что вдаль – рукою подать, и видно все, как на дачном участке. Поднимешь голову, обернешься, а твой невольный сосед иль сопришелец, как его там, все садится на корточки, все чего-то срезает.

Однако, чую, тоже занервничал, обнаружив меня, тоже заозирался...

Ну бывают же ситуации, замороченные уже изначально!

Умом понимаешь, что негоже вести себя так несурозно, но ничего с собой поделаться не можешь... Подойти бы, поздороваться, перемолвиться словом, да и заниматься рядышком сбором, иль хотя бы снова потом разойтись по своим местам, но уже с легким сердцем. Куда-а-а! Не могу почему-то и все. Не приемлю этого прыткого первопреходца, ревную!

Мужичок попался тоже с характером. Озираться озирается, но не делает никаких попыток приблизиться или хоть издали слово промолвить. Будто и нету рядом меня.

Ну и леший, с тобой!

Тем более, что я как раз наткнулся на целую россыпь масляток. То они высквакивали из травы, из-под хвои по одному, порой по два, и то неохотно, нечасто, а тут обрушились разом, прямо-таки заполонив всю просторную впадину между деревьями.

Пока я с ними управлялся, солнышко показало, птички в кустарниках окрестных ожили.

Оглянулся, мужик все так же то поднимается в рост, то снова садится на корточки, держа путь между тем постепенно против часовой стрелки по почти округлому бору. Я, не долго думая, двинулся по часовой.

Так мы с ним и запетляли меж сосен, не сближаясь и не общаясь.

Грибы по-прежнему попадались. А вскоре я заметил, что бреду по тому месту, где только что проходил мой соперник. Обернулся, он тоже топчется на делянке, где я уже был...

И что странно! И он что-то там, нагибаясь, находит, и передо мною нет-нет да и маячат маслятки. Видать, мы со

своими бзыками столько напропускали, что и другим еще малость перепадет. Хотя, когда грибы есть, на одно место хоть десяток раз возвращайся, все равно что-нибудь да попадется. Уж такие они лукавцы и любители играть в прятки. Когда им вздумается, тогда и попадают на глаза...

Покидали мы бор почти вместе.

Когда мужик поднимал с травы свой велосипед, я заметил, что в его руке почти полная сумка.

В моей было всего на две трети. Вот что значит являться в уголье не первым. Обидно! Понимаю, что обида эта какая-то несерьезная, глупая, детская, но обидно и все!

В следующий раз поднимусь не в четыре, а в три.

Родня

Наш новый дворник Павел. Григорьевич опять с утра пораньше рылся в мусорных баках.

И чего он там потерял?

Чуть ли не дугой перегибается внутрь – снаружи, извините, только попа да ноги.

Не выдержал, пересилил неловкость.

– Паша! Что ты там ищешь?

– Да хлеб! – разгибается.

– Какой еще хлеб?

– Да брошенный. Голубям.

Я человек лесной, и городские голуби меня никогда не интересовали и не интересуют, и потому только пожал плечами да и дальше пошел своею дорогой, мало что уяснив и не напрягаясь сильно для этого.

А когда возвращался обратно, уже часов в десять, снова встретился с Пашей.

На сей раз Паша стоял посреди зеленой поляны между домами и, как крестьянин-сеятель с лукошком через плечо на старинной картинке, щедро разбрасывал наотмашь по траве хлебные кусочки и крошки, выгребая их из мешочка. А вокруг копошилась, шевелилась, всколыхивалась какая-то живая однородно-серая масса.

И только пристально взглядевшись, с трудом и не сразу, я сообразил, что это голуби, множество голубей.

А Паша не походил на себя. Обычно угрюмый, замкнутый, тусклый, постоянно кривившийся не то от горьких раздумий, не то от болячек, на сей раз

он светился весь, горел изнутри, пылал. Особенно меня поразили глаза. В них было столько радости, нежности, столько заботливой ласки, добра, что я стушеввался, опешил, боясь шевельнуться или вымолвить слово.

Таким я видел Пашу только однажды, в платяном магазине, когда он покупал какую-то вещь не то дочери, не то родственнице, не то просто знакомой женщине намного моложе себя.

«Что делает с человеком привязанность!» – подумал еще я тогда, очарованный Пашею, пораженный.

Теперь он вторично очаровал меня и поразил.

А вот голуби... привели в удручение. Коротконогие, толстые, с виду пугливые и беспомощные, они с невероятной жадной проворностью хватали подачку, толкаясь, сбивая друг друга, неуклюже падая и вновь бросаясь в атаку, и при всем при этом, повторяюсь, создавали впечатление не скопища индивидуумов, как и было на деле, а чего-то единого, неразделимого. Тупого, бездушного и... агрессивного.

Так воспринимаются иногда стаи хищников да... компании дармоедов на каком-нибудь банкете за барским столом.

Впечатление не из приятных.

Что-то блазнилось во всем этом вопиюще-неестественное, несправедливое, чуждое всему духу жизни...

Я потихонечку, не прощаясь, удалился и от Паши, и от пашиной «паствы».

А спустя день-другой, на одной из светлых опушек, будто по чьей-то умышленной прихоти, встретился... с голубями лесными. Не так это часто случается в наших близгородних местах, но случается...

Небольшая стайка поджарых буленьких птиц вольно обирала с куста черемухи ягоды.

Рассыпавшись по веткам широкого деревца и совершенно не мешая друг другу, голуби словно соревновались в проворстве, в изяществе, выдумке при таком, казалось бы, прозаическом деле, как добывание пищи.

Вот один перебирает, перебирает лапками по сучку, пытается клювом дотянуться до грозди и – оп! – срывается вниз, трепещет крыльями и совсем не сразу выправляется в воздухе. Но вместо того, чтобы перелететь на более удачливое местечко и попытать счас-

тья там, возвращается на сук и начинает все заново. Еще раз, еще! И все-таки ухватывает клювом гроздь в конце-то концов.

Другой вообще раскачался на ветке, как на качели и этаким манером урвал свою порцию. Третий же и вовсе отоварился, как колибри заморская, прямо с воздуха, налету...

Я стоял, смотрел на голубей и только диву давался. Искусство прямо, эквилибристика, представление!

Но это не было представлением.

Это были для вольных птиц обыкновенные будни, это была их работа – тяжелая работа по добыче еды. А там где работа – там и лад, красота, естество.

Потому и выглядели птицы так опрятно, так изящно, так привлекательно.

Вспомнились нехстаты Пашины подопечные, и сделалось грустно. Вроде с этими и братья по крови, а такая разница, такая пропасть меж ними и во внешности, и в характерах, и в поведении...

... До чего же все-таки доводит хоть людей, хоть животных, хоть птиц приживальщина!

Все так и не так

Приобрел с налету книжицу с претенциозным названием «Грибная энциклопедия».

У нас же нынче все претенциозное, напыженно-глобальное. Какой-нибудь провинциальный институт – уже университет, а если университет – то обязательно академия, а уж коли в каком-нибудь магазине кроме хлеба, соли, картошки есть еще и селедка, то не иначе как супермаркет, а как же...

Стал листать эту самую энциклопедию форматом в ладонь... Мама милая! Чего там было ни наворочено! И способы обработки, и кухня, и лечебные свойства этих самых грибов... А вот о самих грибах – очень скупо. И весьма неоригинально, выражаясь помягче...

Автор – женщина, и судя по писанине, в лесу никогда не бывала, разве что на каком-нибудь пикнике, а потому сдувает без зазрения совести откуда ни попадя прямо абзацами, даже и не пытаясь пересказать уже сказанное своими словами. Поистине, как выражается один мой знакомый: у нас сейчас начали отлично справляться с кропанием детских воспитательных книжек

старые девы, а детективов – домохозяйки...

Стал я сверяться с оригиналами и до того досверялся, что и в самих этих так называемых оригиналах навыволупывал столько заимствований, столько повторений чужого, что схватился за голову.

Так вот откуда, сообразил, идут все эти уже устаревающие грибные истины, все эти давние, никем не берущиеся под сомнение постулаты! Сочинители просто-напросто переписывают друг у друга известную, ставшую уже как бы классикой вероятность, не внося в свои тексты ничего свежего, своими глазами увиденного, потому что нет у них его, этого свежего, своими глазами увиденного.

А жизнь-то идет! А природа-то и вся ее экологическая явность меняются. Почти ежегодно, почти ежемесячно, еженедельно!

Раньше, помню, в Нарымском краю на сорах, то есть на приобских лугах, весной затопляемых, произрастал только дикий лучок. А построили вверху гидростанцию, половодий не стало, и повалил – не поверите! – на суходолах... белый гриб-боровик...

Еще какой-то год-другой назад – точно знаю через друзей – разница в сроках появления первых грибов в Сибири и в Центральной России составляла почти две недели, а сейчас один к одному... Потепление одностороннее...

Всего пятидневку назад принес очередной пакетик с маслятами. Грибы как грибы. Здоровые, крепкие, чистые. А благоуханье при сушке! В сегодняшней же добыче, чувствую, что-то не то. И сами мои склизлошляпки какие-то вялые и запах от них, простите, с нюансами странными... Слышу по радио: недавно в соседней губернии авария случилась на химзаводе, а ветерок в нашу сторону... Жизнь! Эволюция!

Но этим флоролетописцам всё тринтрава. Шпарят по старинке, будто мир остановился на временах царя Алексея Михайловича, когда грузди солили не в стеклянных банках, как нынче, а в дубовых кадлушках...

Один автор так называемого «Календаря природы» на полном серьезе вещает, что грибы в краях наших появляются только в середине июля. Другой в «Дарах леса» с таким же апломбом навязывает давнюю теорию, что идут они в течение лета периодически, как бы волнами, слоями. Первый слой, дес-

кать, скоротечен и совпадает со цветением рябины и колошением ржи, второй с окончанием сенокоса, а третий, самый долгий... с отлетом стрижей...

А кто его видел, этот самый отлет? Да и стрижей как таковых, между прочим, не говоря о другом...

Короче, читал я перечитывал всю эту современную печатную продукцию и под конец заглянул в свой рукописный дневник.

В позапрошлом году, например, подберезовики как появились еще седьмого июня, так не уходили весь сезон до самого двадцать девятого сентября.

И тут хоть мудрствуй, хоть не мудрствуй лукаво... Зачем?!

Кедровая кочерыжка

Бывают в лесу такие места, к которым привязываешься, как к женщине...

Может, сравнение и не очень, но с истиной все-таки рядом... С одной стороны к этой необычной поляне подступает широкое поле, засеиваемое то пшеницей, то ячменем, то овсом, с другой – белоствольные березовые лесопосадки. На поляне – коренастая, размашистая сосна, окруженная кустами шиповника и боярки, а чуть поодаль – табунок смуглых елей и... кедр. Молоденький вовсе, только-только набирающий силу, и потому как бы застенчиво прячущийся в этих елях.

Я влюбился в это место из-за кедра, потому что родился и вырос в кедровых краях, и куда бы мимо поляны ни шел, за чем бы ни торопился: за грибами, за ягодой, за целебными травами, – всегда останавливался здесь, смотрел на кедр и все ждал чего-то, всё ждал и ждал, сам еще не зная и не понимая чего...

Боже правый! Ну как я мог пропустить этим летом то самое главное, самое святое, что ждал?!

Не заметил, проглядел, проморгал в своей извечной лирически-лесной эйфории...

Очнулся лишь тогда, когда однажды, ступив на поляну, увидел на траве... кедровую кочерыжку...

Кедр мой стал взрослым, он явил миру свои первые шишки, а кто-то более практичный, деловой, оборотистый, нежели я, сбил их и тут же вышелушил орешки и сощелкал...

Я поднял кочерыжку, повертел ее

перед глазами и оцепенел надолго от воспоминаний...

...Кедрачи подступали к нашему рабочему поселку и с востока и с юга сплошной фиолетово-темной стеною. И с ними у нас, у ребятишек барачных, было связано все. Игры, развлечения, забавы и в конце концов... добыванье еды. Весной саранок-медунок, летом ягод с грибами, а ближе к осени, конечно ж, орешек.

Кедры родили не ежегодно, с долгими перерывами, но зато когда уж родили, это было вселенское празднество. Мы таскали шишки из бора корзинами, сумками, мешками и лузгали, лузгали, лузгали орешки где только можно, а где и нельзя. Даже в поселковом клубе во время кино и концертов.

Пола хрустели от ореховой скорлупы, а в бору едва не копнами вздымались кедровые кочерыжки.

Делались хорошие запасы и в зиму...

Как-то уже в Армии, на Сахалине, я, не очень крепко подумавши, между делом признался своим сослуживцам из престольного града Москвы, что вырос на одной лишь картошке с капустой и первый раз хлеба досыта наелся в одна тысяча девятьсот пятьдесят первом году, когда после седьмого класса мать устроила меня на пекарню рубщиком дров, и кто-то из этих сослуживцев, с детства, видно, сытых и обеспеченных, мне не поверил:

– Ну да! Лоб и щеки вон лоснятся, что бока у тюленя, единственный из батареи на дивизионной Доске почета вишишь, как спортивный разрядник, а видите ли... произрос... на траве... Не бывает такого!

Я обиделся на товарища и долго таил зло на него за апломб.

А позднее прочитал у профессора Георгия Васильевича Крылова в его книге о лекарственных растениях, что если человек с раннего возраста будет постоянно щелкать хоть по горсточке в день кедровых орешков, ему до ста годочков не знать ни усталости, ни болячек...

Не так уж и неправ был мой дорогой москвичок! У нас тогда в среднем на день не по одной выпадало горушке...

Постоял я, постоял еще чуток на поляне с кочерыжкой в руке да и пошел себе дальше уже успокоенный, приободренный.

«Какие наши годы! – подумал. – Доживу и до следующих урожаяев. И

уже ни за что не проморгаю, не пропущу!»

Малиновые облака

Было раннее утро.

Низина у железнодорожного переезда тонула в тумане и с моста походила на белое озеро, залитое не водою, а густым молоком.

Очень странно гляделись и торчащие из тумана макушки деревьев, походившие на сонно дремавшие на его поверхности поплавки.

Как я ни спешил к своей неближней облепиховой горке, не удержался, остановился на мосту и засмотрелся на чудо...

Облепихи уже с краю залеска оказалась достаточно, но была она вся мелковата, и я углубился в заросли, чтоб найти покрупнее.

Нашел такой кустик на самой вершине бугра, стал его обирать и до того увлекся, что даже на комаров обращал внимание лишь тогда, когда они впивались особенно больно.

Что-то в мире случилось.

Это я ощутил неожиданно всем своим существом, кажется, затылком, спиной и даже ногами.

Оглянулся – на востоке играла заря. Не совсем обычная, неяркая, но какая-то размашистая, вольная, почти в полнеба заря. И цвет ее был не переливчатым, не меняющим силу в зависимости от удаления от проклевывающегося солнца, а однотонным, ровным, спокойным. И не бордовым, не алым, не розовым, а малиновым.

Самое удивительное, что и облака в заре были не белыми, а такими же, как она, малиновыми, лишь с неброскими сиреневыми подпалинами с боков.

Что-то блазнилось во всем этом волшебное, необычное и, кажется, навечно замолкшее на одной какой-то незвонкой, но внутренне неистовой ноте.

Такого я еще никогда не видел, не чувствовал, не испытывал, и мне понадобилось порядочно времени, прежде чем я успокоился и вернулся к своей облепихе. Так, как и на мосту перед низиной в тумане.

Выпадают же в природе мгновения, которые запоминаешь навечно... Да и сами они – словно вечность.

Привет с запозданием

Всякий раз, когда мне приходится идти за подберезовиками не по трассе, а через пригородный поселок я еще издали, как старого знакомого, приветствую этот одинокий шиповниковый куст, неизвестно как и откуда взявшийся прямо на улице – на узенькой полоске травы между асфальтовым тротуаром и проезжей частью дороги.

Вероятно, именно потому, что куст произрастал в одиночестве и ему никто не мешал, он был всегда по-своему статен, крепок, упитан, имел очень темные, сочные листья и ежегодно со щедростью плодоносил, уже с конца мая жарко вспыхивая звездами алых цветов, а к началу августа тяжелея от увесистых оранжевых ягод.

Ягоды эти никто почему-то не брал, скорее всего считая, что шиповник декоративный.

Я однажды было попробовал обосноваться возле куста да и ощипать его аккуратненько, но услышал от рядом строящейся трехэтажной хоромины какого-то очередного вновь испеченного хозяина жизни довольно неприветливый голос:

– Тебе че, леса мало, ага?

– А куст твой? – отпарировал я.

– И не твой! – отрезал мужик.

– Ну а раз не твой и не мой, значит общий! – все еще пребывая в сознании где-то середины прошлого века, начал было разглагольствовать я, но тут услышал лязг цепи и тот же, только более доходчивый голос:

– А вот я сейчас как кобеля спущу, так и будет тебе... пролетарская философия!

Я поспешно ретировался и не появлялся в данной точке земли целый год. Даже в июне, во время цветения, обегал кусток стороной, хотя ничего не знаю прекраснее благословенного в это время аромата шиповника, аромата, ради которого могу пуститься куда и подальше поселка...

Но – больше смерти ещё с детства боюсь кобелей!

Когда улепётывал от свирепого рыка, чувствовал, как краска стыда, заливая щеки и шею, но ничего с собою поделывать не мог. Оглядываясь, видел, что даже куст стонует и осуждает меня за поступок, однако остановиться не находил в себе сил.

И вот год спустя, в конце августа, решил-таки ступить на старый, когда-то

хорошо освоенный путь, подумав, что со временем, наверно, всё уже забылось, замялось, стускнуло и ничего особого со мной не случится. Сколько других людей спокойно ходит по улице!

Иду и я себе потихоньку и, еще за полсотни метров вижу, что куст мой, как и в прошлые августы, весь усыпан уже побордовевшими, переспевающими плодами. Их столько много, что с расстояния кажется: своей бордовостью они напрочь заслоняют не менее густую зелень листьев...

Подхожу совсем близко и... не верю глазам!

На моем дородном, по-осеннему как бы уже уставшем от бремени урожая кусте в нескольких местах среди обильных листьев и ягод... пылают жаром... цветы! Самые настоящие, живые, из плоти! С алыми сочными лепестками, с ярко-желтыми круглыми сердцевинками посередине... И с невыразимым, с неземным ароматом...

Конечно же, я когда-то и где-то читал да и слышал, что такое случается, что у природы возникают всякие обстоятельства, как, нынче, к примеру, когда, август оказался и жарче, и ярче июня, но чтобы увидеть подобную картину своими глазами...

Да нет! Как-то шибко уж всё обыкновенно и просто, если не сказать – примитивно...

А вдруг шиповник, не дождавшись меня весной, решил порадовать осенью, зная, что осенью-то уж наверняка я приду?! Ведь не отрицаемо же учеными, что растения, как и люди, не только дышат, пьют и едят, но и ощущают, чувствуют, даже проявляют разумные действия.

Шутка, конечно же. Фантастичная шутка. Но зато такая, приятная!

Слоны и моськи

Раннее утро.

Поляна за городом.

На поляне здоровенный детина, две сажени в плечах, с ручищами что лопаты, с небритым, видать, с похмелья лицом, выгуливает крохотненькую, почти вровень с землею, шавчонку.

Со стороны остановки приближается наискосок не менее дебелая тетя с кобельком чуть-чуть крупнее другой совершенно породы.

Порода, конечно, породой, однако... Собачонки сбиваются с беспечного рит-

ма и сломя голову летят друг дружке навстречу.

– Малыш, Малыш! – взрывается брезгливым криком хозяйка. – Назад! Назад, говорят! Не хватало еще болячку поймать на прогулке...

Не равнодушен к происходящему и богатырь.

– Тютюня! – басит. – Стоять! Стоять, шалава блудливая! Кого ты мне от этого уroda произведешь?!

Но куда там! Приткачи уже крутятся-вертятся в игривом клубке и плевать они хотели на грозных хозяев.

В это время из лесопосадки выходят парень и девушка, по бокам которых две одинаковые крупные псины высотой чуть не до их поясов, черные и по-медвежьи лохматые, от одного вида которых становится не по себе, и спокойно двигаются по тропке мимо женщины и мужа с их питомцами.

Собачонки, увидев своих необыкновенных собратьев, вмиг забывают друг о друге и с неистово-восторженным лаем бросаются к великанам.

– Малаш, Малыш! – блажит испуганно женщина.

– Тютюня! – с дрожью в голосе призывает мужик.

А великаны, не шелохнувшись, не поведя ухом, в полном безмолвии проплывают мимо с царственной грациозностью.

Парень, поравнявшись со мной, охотно здоровается, как со знакомым.

Девушка лишь скупо кивает опрятной головкой, но в глазах у нее такие искры, такие бесенята, что я никак не могу удержать себя от улыбки.

Свершившееся предсказание

Две недели нудили тягучие, проливные дожди, а сегодня хорошее, ясное утро.

Над далекою кромокю леса висит преогромное, вовсе не слепящее солнце, напоминающее ухоженную клумбу в желто-оранжевых одуванчиках..

– Большое солнце – добрая погода на долгие дни, – словоохотливо сообщает старичок, которого я догоняю на тихом проселке.

«Еще один предсказатель!. – хмыкаю про себя. – А проку... Как от нынешних метеорологов...» – Но все же запоминаю сказанное, а потом, оставшись один, по привычке и записываю в блокнотик.

...Хорошо, что записал, иначе бы оставаться нашей встрече короткой вне памяти... Весь последующий сентябрь и половина октября простояли теплыми, светлыми, без единой дождинки.

Одиночество

Бывают же совпадения!

Всю ночь мне снился один и тот же изматывающий душу кошмар – будто я заблудился среди каменных тысячетонных домов, которые наступают на меня, давят и не дают продохнуть...

Утром молча собрался и пошел за околицу, чтобы развеять непроходимую и в явности тревожную оторопь, но тут же наскочил на свору что-то не поделивших бездомных собак. Трое яро рвали четвертую.

Та изворачивалась, отбивалась, визжала, но смогла избавиться от нападающих только тем, что юркнула от безысходности прямо под колеса случайной легковушки, которая опять же только чисто случайно тормознула всего на секундочку раньше наезда...

Свора как ни в чем ни бывало исчезла.

Бедняга, хромя и припадая брюхом к земле, поковыляла боком за угол.

Приоткрывший дверку шофер заматерился и погрозил кулаком почему-то именно ей...

Инцидент был, как говорится, исчерпан и исчерпан благополучно, но на душе почему-то стало еще тоскливей, и гадостней. За околицу уже не манило.

Побрел просто так к автобусной остановке.

Шагов и с полусотни не сделал, слышу истощное мяуканье слева. Поворачиваю голову, а от ближнего дома, летит ко мне растерянный, трясущийся от страха котенок и кричит, кричит в одиночестве с таким же отчаянием, как и я этой ночью.

Я еще не успеваю ничего сообразить, как он уже, крутнувшись винтом, ошалело прыгает к проносящейся мимо женщине, спешащей, видимо, на работу.

Та шарахается от котенка, как от чумы.

– Фу! Еще чего не хватало!

Обезумевший, беспрестанно вертящий головенкой и ровным счетом ничегошеньки не понимающий бедолага кидается снова вроде ко мне, но в это

время на него едва не наступает тоже куда-то торопящийся гражданин.

– О! – пораженно пятится он. – Опять какая-то падла избавилась от лишней помехи! Давил бы всех, кто так относится к домашним животным! – И обогнув кроху, далее продолжает свой путь.

Я протягиваю к котенку руку, чтобы погладить, но он мне не верит, он, по моему, вообще уже никому и ничему не верит в этом неустроенном мире, и с прежним стенающим мяуканьем убегает в сторону дома, от которого прибежал.

«Может, он просто потерялся? Может, завертелся и отстал на прогулке от хозяина или хозяйки? – успокаивая сам себя, лицемерно думаю я. – И сейчас их найдет»...

Иду все-таки следом. Обхожу по кругу весь дом. Ни котенка и вообще никого.

Тишина. Пустота. Холодище.

Перед глазами блесками мерцает в воздухе не то изморозь, не то уже первый снежок.

Каждой клеточкой вдруг начинаю чувствовать состояние котенка после теплой, уютной квартиры оказавшегося бог знает где, и вместе с тоскою грудь начинает давить всезаглушающий стыд.

За людей. За себя. За нерешительность свою, за душевную вялость...

Чтобы хоть как-то развеяться, сворачиваю к базарчику, где уже суетливо толпится народ, и тут вижу, как через дорогу какая-то еще совсем молоденькая мамаша волочит за руку, будто сумку за ляжку, малышонка годика в два.

В детский садик? К бабушке с дедом? К знакомым, потому что надо на работу и ребенка некуда деть?

Тот ревет, упирается, что-то пытается объяснить, а она его тащит, поддавая пинками, да еще кричит на всю улицу:

– Заткнись, уродина чертова! Заткнись, паразит! Ну! Последний раз говорю! – И дергает детеныша так, что тот уже не семенит, а просто шершавит ножонками по асфальту.

Господи! А я-то тут из-за какого-то котенка только что корчился, как обреченный на дыбе!

Ему-то, крохотному человечку, сейчас каково?

Проводил его глазами за угол и тоже поплелся, теперь уже сам не зная

куда... попав в конце концов опять-таки в лес...

...Ну бывают же совпадения!

И главное, все в одно утро...

Ну а почему одиночество? Почему я так озаглавил рассказ?

Да потому что в беде ли горькой, в жути, в нестерпимой ли боли – мы всегда одиноки...

А лес для меня – излечение. В нем я даже в тяжчайшем своем одиночестве – не одинок.

Последний трофей

Снег, снег, снег, куда ни взгляни. И легкий морозец. В лесу столько света, что, кажется, этот свет, как и снег, можно потрогать на ощупь.

Подхожу к дереву с расщепленной на конце длинной палкой и начинаю сощипывать ею с макушки тяжелые, чуть заиндевелые кисти рябины. Кисти падают в снег и тут же исчезают в нем, будто в пуху, но я их выискиваю там и прячу осторожно в мешочек.

Шагает по дороге пожилой человек, мой ровесник, приветствует.

– Что? Детство вспомнил?

– Ага!

– Ну-ну...

И дальше путь продолжает. А что еще говорить? Все и так и понятно, и ясно. Только в детстве мы мерзлую ягоду тут же и ели, где брали...

Однако эту я с собой понесу.

Устрою мешочек на открытом балконе и буду периодически брать по сколь надо...

Насыплю в мисочку, сахарком припудрю, оставлю на время. Когда рябинка отмякнет и сладость впитает, перемешаю все и полакомлюсь с семьей на десерт. Хорошая, между прочим, штуkenция и – очень полезная...

То что растет в лесу и съедобно, никогда не надо лениться заготавливать впрок. И дело тут не только в еде, но еще – в настроении.

Ведь это какая же радость! Ноябрь на дворе, считай, что зима, а я, как и летом, как осенью, – опять со свежей добычей!

*Сентябрь – декабрь 2009 г.
г. Новосибирск*